

Предисловие

История человечества наполнена сражениями. Названия многих из них хорошо известны каждому образованному человеку — Канны, Полтава, Ватерлоо, Марна... Битве при Кёниггреце, состоявшейся 3 июля 1866 года, повезло меньше. Между тем она была самым крупным сражением за сто лет, прошедших между окончанием Наполеоновских войн и началом Первой мировой войны. Более того, иногда ее называют самой большой битвой в человеческой истории до начала XX века. Здесь, однако, у нее имеется сильный конкурент — знаменитая Битва народов при Лейпциге 1813 года. Не будем углубляться в подсчеты: оба сражения были одинаково масштабными. И там, и там уничтожением себе подобных занимались примерно по полмиллиона человек.

Однако вопрос в данном случае не только — и не столько — в размахе происходящего, сколько в том значении, которое имел исход битвы при Кёниггреце для дальнейшей истории Европы и мира в целом. Вернее, не столько самой битвы, сколько Австро-прусской войны, кульминацией которой она

являлась. Этот короткий конфликт — современники называли его «шестинедельной войной» — открыл дорогу для объединения Германии вокруг Пруссии со всеми вытекающими отсюда последствиями для европейского баланса сил. Именно быстрая победа пруссаков позволила им, не допустив вмешательства других великих держав, провести переустройство Центральной Европы по своему усмотрению. К числу последствий этого переустройства относятся две мировые войны, разразившиеся в первой половине XX века.

В отечественной историографии сражение при Кёниггреце известно как битва при Садовой. Именно так ее называли во Франции — немецкое название показалось французам неудобоваримым. Однако и пруссаки, и австрийцы говорили именно о Кёниггреце, в связи с чем и мы будем использовать это название, жертвуя легкостью произношения ради исторической точности. Да и сама Австро-прусская война — термин более чем спорный; он заставляет многих думать, что в конфликте участвовали лишь две державы. На самом деле, в 1866 году друг другу противостояли два коалиции, насчитывавшие в общей сложности четыре десятка государств. Поскольку все они — за единственным исключением Италии — входили в состав Германского союза, правильное в данном случае будет говорить о Немецкой войне. Именно такой термин принят в германской историографии.

Битву при Кёниггреце — центральное событие этой войны — часто описывают в драматическом ключе. Действительно, на первый взгляд мы имеем дело с классической «развилкой истории», где исход висел на волоске. На протяжении первых часов сражения чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону, и только появление на поле боя второй прусской армии определило исход как битвы, так и всей войны. Опоздай она на несколько часов — и история Европы пошла бы по совершенно другому пути. «Ваше превосходительство, теперь Вы — великий человек, — сказал один из флигель-адъютантов прусского короля Бисмарку после сражения. — Но если бы кронпринц подошел слишком поздно, Вы были бы сейчас величайшим злодеем».

Рассказывать историю сражения в таком ключе — лучший способ сделать повествование по-настоящему захватывающим. Но насколько все это соответствует действительности? Действительно ли, 3 июля решение висело на волоске и пруссаки лишь чудом избежали катастрофы? Попробуем разобраться в этом вопросе, равно как и в других, касающихся всей войны в целом и остающихся спорными по сегодняшний день. Насколько рискованным был прусский план концентрического наступления в Богемии? Имела ли империя Габсбургов шансы выиграть войну? Что случилось бы, если бы конфликт затянулся? В поисках ответов важно избежать обеих крайностей: как стремления

драматизировать ситуацию и изображать события в виде цепочки невероятных случайностей, так и детерминизма, подразумевающего, что все случившееся было неизбежным и не имело никакой альтернативы, поскольку являлось результатом действия объективных, непреодолимых сил.

Есть и еще одна «ловушка», в которую мы постараемся не попасть. В своей новой книге, посвященной войне 1866 года, немецкий историк К.-Ю. Бремм назвал ее «войной Бисмарка». Действительно, на страницах популярных работ Немецкая война нередко предстает как часть хитроумного плана «железного канцлера» по объединению Германии. Действительно, обойтись без фигуры Бисмарка в этой истории так же невозможно, как писать о Наполеоновских войнах, не упоминая самого Наполеона. Тем не менее, на наш взгляд, этот «бисмаркоцентризм» серьезно искажает картину прошлого. Поэтому данный рассказ имеет смысл начать не с политики Бисмарка и даже не с Венского конгресса, а с истории формирования австро-прусского дуализма в Германии, корни которого уходят в далекое прошлое.

Глава 1

Германский дуализм

Династия Габсбургов уже в позднее Средневековье принадлежала к числу наиболее могущественных в Европе. В первой половине XVI века под ее властью находились Кастилия и Арагон, Нидерланды, ряд итальянских княжеств, Австрия, Богемия и Венгрия, а также колонии в Западном полушарии. Габсбурги прочно удерживали в своих руках корону Священной Римской империи германской нации, дававшую им формальное первенство среди всех монархов Европы. Об императоре Карле V говорили, что над его владениями никогда не заходит солнце. Хотя Карлу V так и не удалось построить универсальную христианскую империю, о которой он мечтал, а свое огромное наследство он был вынужден разделить между сыном и братом (так появились две ветви Габсбургов — испанская и австрийская), гегемония династии в Европе была несомненной. В течение XVII века позиции Габсбургов ослабли: по итогам Тридцатилетней войны немецкие князья получили практически полную независимость от императора, а испанская ветвь

к концу столетия пресеклась. Тем не менее Австрия оставалась одной из великих европейских держав, владения и интересы которой простирались от Северного моря до Балкан.

Гораздо более стремительным и загадочным оказалось возвышение Пруссии. В середине XVII века династия Гогенцоллернов правила сравнительно небольшим княжеством Бранденбург на северо-востоке Германии. Из-за скудных почв эту территорию в шутку называли «главной песочницей Священной Римской империи». У Бранденбурга даже не было собственной армии, и в годы Тридцатилетней войны княжество оказалось бессильной игрушкой в руках воюющих сторон. Политический вес Гогенцоллернов был намного меньше, чем у правителей соседней Саксонии или Баварии. Поэтому может показаться удивительным, что Бранденбург приобрел по итогам Тридцатилетней войны значительные территории. На самом деле, никакого парадокса здесь нет — противники Габсбургов, в первую очередь шведы и французы, стремились усилить немецкие протестантские княжества, которые могли бы стать эффективным противовесом власти императора.

На протяжении следующего века Гогенцоллерны упорно, кропотливо и с немалым искусством вели политику усиления своего государства и «собираения земель». Они лавировали между крупными державами, участвовали в качестве наемников в их конфликтах, стремясь извлечь для

себя максимальную выгоду. Это была непростая работа, и следом за двумя шагами вперед нередко приходилось делать шаг назад. В 1701 году курфюрст Фридрих III смог с согласия императора возложить на свою голову королевскую корону; княжество Бранденбург стало королевством Пруссия. Его сын Фридрих Вильгельм I посвятил всю свою жизнь созданию сильной армии и надежной финансовой основы для ее содержания. Пруссия в годы его правления все еще воспринималась в европейских столицах как сугубо второразрядное государство. Эта ситуация изменилась только в середине XVIII века.

В 1740 году в Центральной Европе произошло сразу два значимых события. Во-первых, скончался император Карл VI Габсбург, не имевший наследников мужского пола. Все свои владения он хотел передать дочери — Марии Терезии. С точки зрения правил престолонаследия ситуация была спорной, и смерть императора привела к династическому кризису и претензиям на куски габсбургского «пирога» со стороны других игроков. Во-вторых, в Пруссии после смерти Фридриха Вильгельма I на престол взошел его сын, молодой Фридрих II. Он решил сразу же воспользоваться затруднениями Габсбургов и в ходе Первой Силезской войны 1740–1742 годов отнял у Марии Терезии богатую Силезию. Это не сошло ему с рук просто так: в ходе Семилетней войны 1756–1763 годов Пруссии в союзе с Англией пришлось противостоять коалиции

трех сильнейших континентальных держав — России, Австрии и Франции. Фридрих II лишь с большим трудом смог избежать разгрома, его королевство было совершенно разорено и истощено. Однако по итогам Семилетней войны за Пруссией прочно закрепился неформальный статус одной из великих держав.

Так сформировалась система германского дуализма — противостояния двух великих держав, Австрии и Пруссии — в Центральной Европе. Об объединении Германии пока не было и речи; Гогенцоллерны и Габсбурги стремились расширить сферу своего влияния и не дать усилиться оппоненту. Так, в 1770–1780-е годы Фридрих II успешно сорвал австрийские планы приобретения Баварии. Одновременно Пруссия увеличила свою территорию за счет земель Речи Посполитой.

Тем не менее королевство Гогенцоллернов оставалось самой маленькой и слабой из пяти великих держав, его статус покоился на хрупкой основе. Насколько хрупкой, наглядно продемонстрировали Наполеоновские войны. После начала Великой Французской революции Берлин проводил традиционную политику лавирования, стремясь извлечь выгоду из европейских конфликтов. С 1795 года Пруссия оставалась нейтральной, и это в конечном счете дорого ей обошлось. В 1806 году королевство Гогенцоллернов все же вынуждено было вступить в борьбу против Наполеона в весьма невыгодных для себя условиях. В октябре 1806 года прусская

армия была сметена, как картонный домик; само существование государства оказалось под угрозой. В конечном счете Пруссия осталась на карте Европы, но потеряла почти половину своей территории и превратилась во второразрядное государство, полностью зависевшее от прихоти французского императора.

Империя Габсбургов оказалась в той же ситуации гораздо более устойчивой. Принимая участие во всех антифранцузских коалициях (и являясь их главной ударной силой на суше), терпя поражение за поражением, теряя территории, Австрия все же осталась крупным игроком в европейской политике и смогла сохранить значительную степень независимости от Парижа. Тем не менее в 1812 году и пруссаки, и австрийцы вынуждены были направить «ограниченные контингенты» на помощь Наполеону, начавшему свою судьбоносную войну против России.

Война эта, как известно, окончилась для Бонапарта катастрофой, и в начале 1813 года русские войска вступили в Центральную Европу. Пруссия практически сразу же вошла в состав новой антифранцузской коалиции. В Вене действовали осторожнее: слишком свеж был в памяти опыт предыдущих войн, когда Австрии приходилось прилагать основные усилия и нести основные потери в случае неудачи. Поэтому Берлину удалось на некоторое время перехватить лидирующую роль в национальном антифранцузском движении в Германии.

Масштабы этого движения, впрочем, не следует переоценивать. Это уже задним числом борьба против Наполеона в 1813–1815 годах получила в немецкой историографии название Освободительной войны и воспевалась как всенародный подъем против ненавистных угнетателей. Реальность была гораздо скромнее: многие немецкие князья до последнего оставались союзниками Наполеона, а патриотическое движение хотя и было довольно масштабным, охватывало в основном образованный средний класс (явное меньшинство населения). Кроме того, у разоренной Пруссии было недостаточно ресурсов, чтобы проводить самостоятельную политику без опоры на сильных союзников.

В августе 1813 года Австрия все-таки присоединилась к антифранцузской коалиции. Вскоре с Наполеоном было покончено, и летом 1814 года в Вене открылся конгресс, которому предстояло определить контуры будущего европейского порядка и обеспечить мир и стабильность в системе. Одной из главных угроз этой стабильности было революционное движение. Европейским монархам было очевидно, что успешно бороться с ним можно было лишь совместно. В итоге, хотя противоречия между основными игроками никуда не делись, на Венском конгрессе сформировалась традиция сотрудничества великих держав в решении международных проблем — так называемый «Европейский концерт». Его составляла все та же пятерка великих держав (Франция вернулась в ее

состав уже в 1818 году). Традиция «Европейского концерта» стала одной из главных особенностей Венской системы международных отношений, существовавшей вплоть до 1914 года. Со своей задачей эта система справлялась достаточно успешно: большой европейской войны удавалось избегать на протяжении без малого ста лет.

Одним из ключевых вопросов Венского конгресса был германский. Старая Священная Римская империя германской нации прекратила свое существование в 1806 году по инициативе последнего императора. От ее воссоздания предпочли отказаться, однако сама идея конфедеративной структуры, которая обеспечивала бы безопасность и баланс сил в центре Европы, была весьма разумной. В итоге на территории бывшей империи создали Германский союз, в состав которого вошли все немецкие государства, включая Австрию и Пруссию. Две великие державы уравнивали друг друга, не позволяя ни одной из них стать гегемоном в Центральной Европе. В случае агрессии извне государства Германского союза составляли единую оборонительную структуру, однако вести активную внешнюю политику конфедерация не могла. Таким образом, Германский союз вносил существенный вклад в поддержание мира и баланса сил в европейской системе в целом.

По итогам Наполеоновских войн в Берлине хотели присоединить к своим владениям территорию Саксонии. В Вене горячо воспротивились,

опасаясь, что это приведет к опасному усилению Пруссии. Дело едва не дошло до конфликта, однако в конечном счете на Венском конгрессе было принято соломоново решение: Пруссия получила половину Саксонии, а также экономически развитую Рейнскую область. Смысл этого решения с точки зрения архитекторов Венской системы заключался в том, что монархия Гогенцоллернов теперь непосредственно граничила на западе с Францией и не могла уклониться от борьбы в случае очередной попытки Парижа установить свою гегемонию в Европе. В Берлине подобный компромисс был воспринят с некоторым недовольством: новые владения даже в географическом отношении были отделены от основной части Пруссии, а в религиозном и культурном были близки к Франции. Тем не менее вскоре именно Рейнская область стала экономическим «мотором» Пруссии, обеспечив ее быстрое индустриальное развитие.

Германский дуализм был таким образом восстановлен. В другой ситуации это привело бы к борьбе между Берлином и Веной за влияние на германские княжества. Однако в первой половине XIX века у Габсбургов и Гогенцоллернов был общий враг: революционное движение. Именно поэтому в Берлине взяли курс на сотрудничество с Веной, согласившись на ведущее положение Австрии в Германском союзе. Прусский король Фридрих Вильгельм III справедливо рассудил, что поддерживать стабильность Венской системы и свою власть

в стране в конечном счете выгоднее, чем играть в рискованные игры. Таким образом, на смену конкурентному дуализму пришел кооперативный дуализм, основанный на сотрудничестве двух немецких великих держав.

Австрия, в свою очередь, оставалась одним из ключевых гарантов стабильности того порядка, который был установлен в 1815 году. Главными сферами ее интересов были Германия, Италия и Балканы; во всех трех регионах предстояло поддерживать существующий баланс сил. Это была непростая задача, особенно ввиду подъема европейского национального движения. В одиночку монархия Габсбургов с ней справиться не могла.

XIX век часто называют эпохой национализма в Европе. Идея национального государства оказалась тесно переплетена с идеей суверенитета народа. В Германии национальное и либеральное движение были, по сути, единым целым. После Наполеоновских войн идея создания единого немецкого государства становилась все более популярной в обществе. Правда, необходимо опять оговориться, что речь идет не о большинстве немцев, а лишь о зажиточных и образованных слоях. Однако именно это делало борьбу с национальным и либеральным движением столь сложной для монархов: носителями опасных идей являлись новые элиты, игравшие огромную роль в экономике, государственном управлении, общественной жизни. Силы реакции вынуждены были ограничиться

борьбой с внешними проявлениями новых идейных течений: ограничить свободу прессы, запретить национальные манифестации и преследовать кружки недовольных. Естественно, что в долгосрочной перспективе это проблему никак не решало.

В 1820–1840-е годы Пруссия в целом достаточно послушно двигалась в фарватере Австрии, политикой которой тогда руководил знаменитый Меттерних. Тем не менее именно в это время стартовал проект, ставший определенного рода предвестником объединения немецких земель вокруг Берлина. Речь шла об экономической интеграции. Немецкая раздробленность и чересполосица были серьезным препятствием для развития внутреннего рынка, что особенно болезненно ощущалось в эпоху начавшейся в Европе индустриальной революции. В Пруссии были заинтересованы в формировании единого экономического пространства, и этот проект принял конкретные очертания в виде Таможенного союза. В Берлине мудро рассудили, что выносить вопрос о едином таможенном пространстве на рассмотрение Германского союза нет никакого смысла, и пошли по пути переговоров с отдельными княжествами. Первый таможенный договор был заключен еще в 1819 году, однако потребовалось больше десяти лет для того, чтобы Таможенный союз появился на свет. В его состав вошло большинство германских государств, за исключением ганзейских городов, северных княжеств, Бадена, а также Австрии. В экономическом отношении австрийские

интересы существенно расходились с прусскими; в Вене продолжали проводить политику меркантилизма, в то время как Таможенный союз установил достаточно низкие импортные пошлины. В результате лидирующую роль в новой интеграционной структуре играла монархия Гогенцоллернов. Создание Таможенного союза весьма положительно повлияло на экономическое развитие стран-участниц, и по темпам индустриализации Пруссия вскоре начала обгонять Австрию.

Тем временем представители немецкого национального движения обсуждали вопрос о том, как именно должна выглядеть объединенная Германия. Речь шла не только о форме правления — демократическая республика или конституционная монархия. Ключевым был вопрос о том, где пройдут границы общегерманского дома. Очевидно, что немецкое национальное государство в идеале должно включать в себя всех немцев. Но как быть с Австрийской империей и ее обширными венгерскими и славянскими территориями? Идеальным решением стало бы отделение от монархии Габсбургов немецких земель, но согласятся ли на такое расчленение сами австрийцы? В итоге сформировались два проекта: «великогерманский» — объединение с участием Австрии — и «малогерманский» — объединение без австрийцев, то есть, по сути, вокруг Пруссии. На начальном этапе именно сторонники первого проекта составляли явное большинство.

Шанс воплотить свои планы на практике у немецких националистов появился в 1848 году. Огонь революции, вспыхнувшей в феврале во Франции, быстро перекинулся на германские государства. Недовольство среднего класса сочеталось с отчаянием «низов», страдавших от серии неурожаев и проблем, связанных со сменой экономического уклада. В марте 1848 года революция произошла в Берлине и Вене. Монархи хотя и удержались на своих тронах, но были вынуждены пойти на серьезные уступки восставшим. Были созваны парламенты, к власти пришли либеральные правительства, началась разработка конституций. В Австрии ситуация осложнялась еще и национальными движениями за независимость; казалось, «лоскутной империи» пришел конец.

В этой ситуации никто не мог помешать созыву общегерманского Национального собрания во Франкфурте-на-Майне — органа, который занялся непосредственной подготовкой германского единства. Заседания начались в мае 1848 года, и между различными фракциями сразу же обнаружились серьезные противоречия. Они касались как государственного устройства, так и границ будущей единой Германии. Споры вокруг конституции заняли почти год; итоговый документ — «малогерманский» вариант, конституционная монархия — был принят только в марте 1849 года.

К этому моменту, однако, революция уже пошла на спад. К концу 1848 года немецким монархам

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru